

АЛЕКСАНДРА

Наряд вне очереди

— А вы много плакали на войне?

Она задумывается над моим вопросом и, наконец, после долгой паузы твердо отвечает:

— Нет, не плакала. Честно. Ни разу не плакала. Да и слез у меня тогда не было.

У нее не было слез. У нее — чертеныта в глазах и привычка развеселить подружек. «Я и на войне озоровала. Любила посмеяться. Да и сейчас смеюсь», — верю я каждому слову Александры Мурашкиной.

Александра Ивановна девяносто лет. Вот-вот исполнится девяносто один. Это ли возраст, если в карих глазах все те же веселые звездочки?

— Меня командиры частенько в наряд вне очереди отправляли.

— За что же, Александра Ивановна?

— Так за смех же. Любила я сказануть что-нибудь такое, чтобы все рассмеялись. А какой же смех в строю? В строю смеяться нельзя. Ну и отправляли в наряд за озорничество. Но если наряд был на кухню, то я только радовалась. Придешь, бывало, мальчишкам-поварам помогать, а они тебе рады: «Какой тебе кусочек, Шура, полакомиться?»

— И какой же кусочек?

— Да просто хлебушек или маленький кусочек мяса. Так вкусно! А то все горох да горох, так он нам надоел.

— Голодно было на войне?

— Нет, не голодно. Нормально было. Мы не голодали.

Коса до пояса

В восемнадцать она убирала колоски вместе с другими школьниками. Колосок — к колоску. Колосок — к колоску. У самой коса, как колос. Тяжелая, тугая, красивая. Работы Александра не боялась. Дома и корову могла подоить, и роды у свиный принять, и маленьких поросятков выводить, и хлеба напечь. Даже у старших сестер хлеб так хорошо не получался, как у нее. И по дому прибраться успевала. И матери в хозяйстве помочь — все в охотку, ничего — через силу. «Мама говорила про меня рукосуйка. Все в руках спорилось», — улыбается девяностолетняя Саша.

Так что поле до последнего колоса убрать — тоже работа в

радость. Только в тот день прямо на поле она узнала, что ее забирают на фронт. Не испугалась, не удивилась. Когда вернулась домой, застала маму в слезах и отца с покрасневшими глазами. Мать сушила для дочери сухари. Сдобные эти сухарики потом как лакомство разделила с девочками по медсанбату. Но это потом. А пока собирала вещички, складывала белье, успокаивала мать. Так на улицу Плотницкую, в дом номер 14, что в Ставрополе-на-Волге, впервые заглянула сама война.

— Страшно было, Александра Ивановна?

— Чего ж страшного, когда я еще ничего такого не видела? Нет, не страшно. Да я и потом не испугалась, когда меня на санитарную грузовую машину поставили, чтобы раненых в медсанбат везти. Нет, не на самую передовую, но близко очень. Там, впереди, уже

стрелки сидели в окопах. Там был Сталинград. И там было мое боевое крещение.

Осколком ранило девочку — санитарку, землячку. «Скромная такая была девочка, из челновершинских. Они приехали вместе со ставропольскими. Наверное, ранение было в живот», — Александра сразу не посмотрела. Только увидела, как с оборот нижней юбочки на землю капает кровь.

Саше велели доставить раненую в госпиталь. Так началась ее личная война и ее большой, длинной во всю войну, медсанбат. «Вези, Демитрий», — говорят. — Фамилия у меня тогда была не Мурашкина, а Демитрий. Я и повезла. Сдала девочку врачам. Вернулась к своим на той же машине. Медсанбат стоял внизу, в балке. Знаешь, что такое балка? Это низина такая. Там и хирургия, и терапевтические отделения. Такие палатки. В терапии — лежачие, которых перевозить нельзя. В первые ночи мы с девочками спали прямо на земле. Потом сами рыли землянки. А потом даже буржуйки нам дали. Стало теплее. Нет, не замерзали. Нет, не тяжело. Я же была сильная. Очень крепкая. И все умела».

Дороги светлые

Александра Ивановна сотни раз рассказывала свою правду о войне детям. Их у нее четверо. И внукам рассказывала. И ребятам из школы. Но она готова рассказывать о тех днях еще и еще. О том, как вместе с ней попали на войну ее бывшие одноклассницы. Маруся Петрова — ростиком маленькая. Ее — в терапевтическое отделение. Таня Кольцова — санитаркой в хирургию. Сама Александра — в эвакотранспортный батальон, «сильная потому что».

— Сколько раненых вывозили с поля боя?

— Сколько? Сколько в машину уместится. Машины большие, форды. Четверых, самых тяжелых, на пол, посередине кузова. По десять — по краям. В кабине — раненые в живот и в легкие. На приступочек, если смогу удержать, еще кто-нибудь. Да разве один раз съездишь? Не раз! — вздыхает Александра Ивановна. — А то, бывало, уже погрузишь мальчишек, помотришь: раненый по полю ползет. Без ног ползет. Ползти еще метров двести до дороги. Прошу шофера: «Останови». Шофер меня кроет матом: над нами — фашистские самолеты, прямо как крыша, сплошную небо закрывают. Уговорю, он остановится. Дотащу солдатику, прислоню на крыло. Держись, сынок.

— «Сынок», а самой девятнадцать?

— Все равно сынок. Так и едем. Уговариваю, чтоб держался, сколько есть сил. Пусть с культишкой, пусть с костылями, а будет жить, если довезем. Это ж для матери какое счастье будет!

А дороги под Сталинградом — какие-то светлые были, прямо прозрачные. Ровные дороги. И ни деревца. Степь открытая.

— Сколько санитарок на машину было?

— Сколько? Я да шофер. Раненых очень жалела. Не боялась ничего. Ни боли, ни крови, ни стонов. Просто хотела помочь.

Про любовь

— Александра Ивановна, а на войне влюблялись?

— Нет, не влюблялась. Был у меня парнишка. Ромашка. Как самый верный друг. Даже как брат. Ни про какую любовь он мне ни разу не говорил. Все для меня делал. Надо было молока достать — доставал. Надо было меня после тифа постричь — стриг. И танцевал только со мной.

— Под гармошку танцевали?

— Какая гармошка? Лялякали там чего-то, вот и вся музыка. Такой был друг верный. Потом его командир отправил в какую-то другую часть. Так жалко было. Говорят, он после войны в Ставрополь-на-Волге приезжал.

— Искал вас?

— А он адреса моего не знал.

— А про что с девочками после боя говорили, когда выдавали минутка-другая?

— Только не про любовь. Да и некогда нам было разговаривать.

— А что снилось?

— Только мама снилась. И

всегда с чем-нибудь вкусным. То пирожки, которые она часто дома пекла, мне приносила, то помидорами угощала.

— А что в вещмешке возили? Иконку мама давала с собой на войну?

— Да нет, тогда было нельзя с иконкой. Молились в душе.

— Домой-то часто писали?

— Часто.

— А о чем, Александра Ивановна? Рассказывали, сколько раненых перевезли? Что тяжело вам, писали?

— Зачем? Матери и самой несладко. А мне и нетяжело было. Подумаешь, доехала, погрузила, передала врачам. Что ж тут такого? Я духом сильная была, очень сильная. Нет, ничего такого не писала.

На войне Саша переболела тифом. Еле выжила. Такая тяжелая была, что еще долго после этого ноги почти не ходили. А тут — бомбежка. Ночь. В поезд, в котором они ехали, попали бомбы. Надо было успеть отогнать вагоны с боеприпасами и цистерны с горючим. Отогнать отогнали, а сам поезд сгорел. Выскочили кто в чем был. Командиры велели ничего не брать. Так, накинула шинельку на плечи, надо бежать, а ноги почти отказывают. Бежала и падала. Падала и поднималась. Нашла какую-то воронку. Укрылась. Далеко ушла, своих потеряла. Вдруг видит — парнишка, солдатик выздоравливающий. Он шел как раз к ним в эвакогоспиталь, да вот не дошел. Проговорили, пока не стало светать. Подошли свои. Рассказали, что, когда оттягивали цистерны с горючим, тяжело ранило командира. Она помнит только его фамилию — Ланчишвили: «Погиб Ланчишвили. Жалко. Хороший был командир».

Потом другой хороший командир вручил ей медаль. Медаль «За оборону Сталинграда» — ее первая военная награда. Потом был Второй Украинский фронт. Потом демобилизация и возвращение домой.

Вернулась живой, и слава богу. После войны вышла замуж, родила хорошему человеку Виктору Мурашкину деток. Все четверо живы, здоровы. Выучилась на бухгалтера. До сих пор благодарна всем, кто ее учил. До сих пор помнит своих одноклассниц, которые стали однополчанами и свидетелями тех кровавых лет. Когда ей не было страшно. Когда не было слез. Когда снилась только мама...

Наталья Харитонова

